

КАЗАХСТАН — РОССИЯ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Желание одной культурной традиции навязать свои ценности другим культурам никогда не приведет к взаимопониманию. Напротив, жесткая культурная экспансия вызывает не менее жесткое сопротивление. Только уважение к историческим традициям других народов, справедливость и искренность в отношениях цивилизаций, религий и народов способны создать мир согласия и духовности.

Нурсултан Назарбаев

Из глубины времен

Казахская литература — это произведения на казахском языке, созданные казахскими авторами на территории Казахстана начиная с XV в. В современном виде казахский язык сформировался и обрел собственную грамматику в XIX–XX вв., однако устное народное творчество уходит корнями в далекое прошлое. На территории Казахстана сложились известные древнейшие эпосы на тюркских языках — «Коркыт Ата» и «Огуз-наме». Распространявшийся устно «Коркыт Ата» был записан в XIV–XVI вв. в виде Книги деда Коркута. Коркут — реальное лицо, считается основоположником эпического жанра, искусства врачевания и музыкальных произведений для кобыза. Эпос состоит из 12 поэм и рассказов о похождениях огузских богатырей и героев. Огыз-каган (Огуз-хан), обладавший сверхъестественной силой, — герой эпоса «Огуз-наме», записанного в XIII в. и позже в XVIII в. Поэма посвящена подвигам Огыз-кагана.

На всем протяжении существования казахской поэтической традиции, вплоть до XX в., ее обязательной фигурой был народный *поэт-импровизатор* — *акын*. Благодаря акынам до нас дошли эпические произведения, сказки, песни, поэмы. Казахский фольклор включает более 40 жанровых разновидностей, некоторая часть характерна только для него — песни-прошения, песни-письма и т. д. Песни делятся на пастушеские, обрядовые, исторические и бытовые. Поэмы были героические, повествующие о подвигах Кобланды, Ер-Таргына, Алпамыса, Камбар-батыра и др., и лирические, воспевающие самоотверженную любовь (например, Козы-Корпеша и Баян-Слу, Толегена и Жибек). <...>

В советский период наибольшую известность в СССР приобрело творчество казахского поэта-акына **Джамбула Джамбаева** (1846–1945), певшего под аккомпанемент домбры в стиле толгау. С его слов были записаны эпосы «Суранши-батыр», «Утеген-батыр», сказки «Хан и акын», «Сказка о ленте» и др. После Октябрьской революции в творчестве Джамбула Джамбаева появились новые темы: «Гимн Октябрю», «Моя Родина», «В Мавзолее Ленина», «Ленин и Сталин». В его песни вошли почти все лица советского властного пантеона, им придавались черты героев, богатырей. Песни Джамбула были переведены на русский язык и языки народов СССР, получили всенародное признание и в полной мере использовались советской пропагандой. В годы Великой Отечественной войны Джамбул писал

патриотические произведения, зовущие советский народ на борьбу с врагом: «Ленинградцы, дети мои!», «В час, когда зовет Сталин» и т. д. В 1941 г. он стал лауреатом Сталинской премии.

Сочетая устные формы с письменными, Джамбул Джамбаев выработал новую поэтическую манеру, отличающуюся психологической насыщенностью, конкретностью изображения общественной жизни, задушевностью и простотой повествования.

<http://www.kazakhstanlive.ru/culture/literature/>

Звук домбры над Невой

Любой казахстанец, который действительно считает себя патриотом, приехав в Санкт-Петербург, наверняка сначала направится не в Эрмитаж, а к памятнику казахскому акыну Жамбылу Жабаеву (Джамбулу Джамбаеву), подаренному в 2003 году Нурсултаном Назарбаевым от народа Казахстана городу на Неве к его 300-летию. И это – только один из множества фактов укрепления связей между Казахстаном и Россией. Инициатором появления памятника Жамбылу выступило казахское общество в Санкт-Петербурге «Ата-Мекен».

Казахское общество Санкт-Петербурга и Ленинградской области сформировалось в 1964 году, изначально как совет студентов и аспирантов Казахстана. В 1989 году было зарегистрировано под названием «Ата-Мекен» («Земля предков»). Высшим органом общества является Курылтай. Не забывая исторических традиций, петербургские казахи чтят мудрое слово аксакалов. «Ата-Мекен» входит во Всемирную ассоциацию казахов, председателем которой является Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев. Общество сотрудничает с казахскими национально-культурными общественными организациями Российской Федерации, такими, как «Жолдастык» (Астрахань), «Казахстан» (Волгоград), «Молдир» (Саратов, Омск), «Ата-Мура» (Алтайский край), «Ак бата» – Центр казахской национальной культуры (Республика Башкортостан), Казахская общественная организация «Алатау» (Республика Саха, Якутия), «Ата-Мекен», «Жұлдыз» (Тюмень), «Отан» (Новосибирск), Национальная культурная автономия казахов Республики Татарстан, «Казак тили» (Москва), «Мурагер» (Мурманск), «Оркен» (Калининград), «Ак жайык» (Оренбург), «Ак жол» (Самара), «Бирлик» (Томск), «Азамат» (Челябинск).

В Санкт-Петербурге сегодня проживают около семи тысяч казахов. Многие из них остаются после учебы. Среди них – ученые, деятели культуры и искусства, историки, поэты. В числе известных казахов-петербуржцев – доктор исторических наук Гурсун Султанов, заведующий созданной им кафедрой восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Ержан Юсупов – ученый-историк, Лилия Абдрахманова – поэт, член Союза писателей России, Латиф Казбеков – художник, член Союза художников России, член Санкт-Петербургской академии современного искусства, и др.

«Сколько людей считают Казахстан своей родиной, мы не выясняли, но могу смело сказать, что представители разных национальностей, которые были в Казахстане, очень тепло отзывались о нашей стране, – говорит лидер Казахского общества Санкт-Петербурга Сарсенгали Куспанов. – Это те, кто поднимал целину, кто родился и работал в Казахстане, а затем переехал в Петербург. В России в целом и в Петербурге в частности Казахстан воспринимают очень хорошо. Доказательством тому служат памятники, мемориальные доски, улицы, посвященные знаменитым людям Казахстана. Это памятник Жамбылу Жабаеву и мемориаль-

ная доска с его именем в переулке Джамбула. Это мемориальная доска с именем Мухтара Ауэзова в Санкт-Петербургском государственном университете. Это портрет Чокана Валиханова в Российском географическом обществе. Деятельность нашего общества направлена на гармонизацию межнациональных отношений. О его работе знают в администрации города, в Комитете по внешним связям, в Санкт-Петербургском доме национальностей, в Доме национальных культур, Доме народного творчества и досуга».

<http://pricom.kz/?p 27562>

Истоки **русско-казахских литературных связей** уходят в глубь веков, о чем свидетельствуют древнейшие памятники русской письменности. Однако начало систематического изучения жизни и быта казахского народа, первые публикации сведений о его устном поэтическом творчестве в русской литературе и журналистике относятся к первой половине XVIII в., когда значительная часть казахских степей приняла российское подданство и создались реальные условия для широкого проникновения в казахскую степь культуры России.

Внимание первых русских исследователей Средней Азии и Казахстана привлекали, как отмечал В. В. Бартольд, «по своей многочисленности и по обширности занимаемой территории киргиз-кайсаки». Вначале отрывочные, неточные, порой с экзотическим налетом путевые очерки о казахах стали со временем сменяться обстоятельными и объективными произведениями писателей, ученых и путешественников, в которых описывались экономический строй, правовое положение, своеобразные обычаи и нравы казахов, давались образцы их устного поэтического творчества. Постепенно русская общественность узнавала о нуждах и чаяниях казахского народа.

Вторая половина XIX и первое десятилетие XX в. — период, который в истории взаимосвязи двух литератур занимает особое место. Рассматривая русско-казахские отношения и их отражение в дореволюционной печати России, следует иметь в виду, что они сложились не вдруг и не сразу. Этот процесс был длительным, постепенным, а в ряде случаев и противоречивым. Политика царизма отнюдь не способствовала развитию и укреплению взаимоотношений двух народов. Неудивительно, что отдельные русские авторы прошлого выступали со статьями, очерками, заметками, в которых отражали взгляд верхов на «инородцев», писали о казахах как о «номадах», лишенных культуры, весьма примитивно рассуждали об их поэзии и музыке. Но даже и в этих сочинениях можно найти крупницы познавательного материала.

Несмотря на то, что оба народа жили на территории единого государства, уровень их экономического, социального и культурного развития был далеко не одинаков. К тому же они придерживались различных обычаев и традиций, исповедовали разные религии, говорили на разных языках и т. д. Все это, безусловно, определило и специфику русско-казахских литературных отношений. Их осмысление позволяет понять процесс становления и развития казахской письменной литературы, обогащения ее художественным опытом русской литературы. Ее воздействие на казахскую литературу было до поры до времени односторонним, хотя сами понятия «взаимосвязь», «взаимодействие» предполагают обоюдную отдачу и обоюдное восприятие.

Первоначальной, но очень важной формой литературных связей России и Казахстана явились изучение, запись и использование русскими писателями казахского фольклора. Песни, предания, легенды, пословицы служили им основой при создании оригинальных произведений. Русские писатели широко использовали

художественно-выразительные средства устного поэтического творчества казахов, различные стороны их жизни, что вело к обогащению русской литературы, к расширению ее творческого диапазона.

В истории взаимосвязи двух литератур можно выделить два периода: 1730–1868 и 1869–1917 гг. В первый период, особенно в XVIII в., русские писатели, путешественники, ученые, оказавшись в казахских степях, начинают собирать и записывать устные поэтические творения народа, сохраняемые в памяти многих поколений (П. С. Паллас, Г. Ф. Миллер, Н. П. Рычков, В. Могутов, Ф. С. Ефремов, Г. Р. Державин, С. Большой и др.). Казахский фольклор служил объектом пристального внимания русских деятелей культуры потому, что в нем они видели мечты народа способного, но лишенного прав на человеческое существование.

Тогда же появились и первые реалистические произведения на казахскую тематику. Например, известный путешественник и писатель Ф. С. Ефремов в своей книге «Странствование Филиппа Ефремова в киргизской степи...» подробно описывает жизнь казахов, обращает внимание и на естественные богатства края, его климат, реки, леса, животный мир. Книга Ф. С. Ефремова интересна тем, что основана на непосредственных впечатлениях самого автора. Достоверное описание казахской степи, жизни ее населения дал в своих «Записках» Савва Большой. Они ценны обилием деталей в описании быта, которые очень оживляют историческую ткань повествования. Автор «Записок» впервые ввел в русскую литературу значительное количество казахских слов в почти правильном написании. Реалистичным изображением быта и нравов казахов, художественностью изложения примечательны очерки Н. Мамышева и поэтическое творчество П. Кудряшова, одного из руководителей Оренбургского тайного общества.

В 20–30-е годы XIX в. появились первые значительные художественные произведения о казахском народе. Одно из них – повесть В. А. Ушакова (1779–1838) «Киргиз-кайсак». В ней приведены вопиющие факты бесправия, нищеты, унижений, которые терпели поработанные национальности царской России. В жизнеописании своего героя Виктора Славина, сына уральского казака и бедной девушки-казашки, проданного матерью за гроши петербургским господам, писатель правдиво запечатлел характерные моменты из жизни казахов.

Одним из пионеров развития русско-казахских литературных связей был В. И. Даль (1801–1872). В его повестях «Майна» и «Бикей и Мауляна» главные герои – казахи, типичные национальные характеры. Писатель показал их тяжелую жизнь, познакомил русских читателей с широко бытовавшим среди казахов обычаем насильственного брака, использовал много инонациональных слов и выражений для речевой характеристики персонажей. Казахские мотивы нашли отражение в ряде других произведений Даля: «Уральский казак», «Полуношники», «Письма из похода в Хиву» и др. В. И. Даля интересовали многие стороны жизни казахского народа, но особенно устное поэтическое творчество. Отличное знание казахского языка помогло писателю отметить сходство казахских сказок с русскими былинами. Собранные материалы казахского фольклора оказали В. И. Далю помощь и в подготовке знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка».

Полноценное художественное изображение инонациональных характеров ведет начало от Пушкина. Поэт уделял значительное внимание жизни и поэтическому творчеству народов России. Известно, что за короткий срок пребывания в казахских степях Оренбургского края (1833) А. С. Пушкин заинтересовался устным творчеством казахов, что нашло отражение в некоторых произведениях поэта. Казахская тематика занимает определенное место и в творчестве В. А. Жуковского,

посетившего казахские степи в 1837 году и проявившего большой интерес к жизни кочевого народа.

Во второй период (1869–1917) русско-казахские литературные связи достигли широкого размаха, обусловленного рядом факторов. К 70-м годам XIX в. завершился процесс присоединения Казахстана к России. Были созданы условия для освоения в казахских степях земледелия, перехода кочевников к оседлости, распространения культуры и просвещения. Кроме того, мощная держава гарантировала безопасность и защиту казахского народа от иноземных захватчиков. Все это благотворно сказалось и на развитии взаимосвязей русской и казахской литературы.

Второй период ознаменовался появлением значительного числа художественных и художественно-документальных произведений русских авторов на казахскую тему. При анализе этих произведений нами ни в коей мере не уравниваются место и значение в процессе взаимосвязи таких выдающихся русских писателей, как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, С. Т. Аксаков, Н. С. Лесков, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко и др., в чьем творчестве нашли отражение казахские темы и мотивы и кто повлиял на развитие реализма и просветительского направления в казахской литературе, с тем огромным числом русских писателей и ученых, в наследии которых отражена история жизни, быта и культуры казахов.

В освещении социально-экономических условий жизни казахов немалую роль сыграли «туркестанские» романы и повести, очерки и рассказы Н. Н. Каразина, Н. Ильина, П. И. Пашино, Н. П. Стремоухова, Н. Уралова, И. П. Инфантьева. В произведениях этих писателей представлена широкая панорама русско-казахских отношений, картины быта, нравов, обычаев казахов, пропагандируется идея дружбы народов.

Значительный вклад в становление и развитие литературных связей между Россией и Казахстаном внесли передовые русские ученые и путешественники В. В. Радлов, В. В. Бартольд, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Н. А. Северцов, Г. Н. Потанин, Д. Л. Иванов, Е. П. Ковалевский и др. В их документально-художественных произведениях, особенно в путевых очерках, дневниковых записях и воспоминаниях, сохранены не только лучшие образцы устного творчества казахов, но и правдивые картины их жизни и быта, запечатленные без ложной романтики и грима экзотики. Познавательный материал этих произведений используется сегодня и при изучении проблем русско-казахских литературных отношений. Философской основой документально-художественной литературы о казахах являлась идея цивилизации и просвещения.

Благотворное влияние на развитие русско-казахских литературных отношений оказало длительное пребывание в казахских степях политических ссыльных, среди которых были выдающиеся писатели Т. Г. Шевченко, Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, С. Ф. Дуров, Д. Л. Иванов и др. Их просветительская деятельность способствовала развитию общественной мысли и национального самосознания казахского народа. Не случайно, что именно в это время из его среды выдвинулись замечательные мыслители, просветители и художники слова: Чокан Валиханов, Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин.

Первые казахские просветители, понимая важность сближения с русским народом, всячески содействовали этому. Абай, переводя произведения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова на казахский язык, выступил пропагандистом классических литературных ценностей. И. Алтынсарин создал «Киргизскую хрестоматию», в которую включил свои переводы ряда сказок Л. Н. Толстого, басен И. А. Крылова и произведений других русских писателей. Очерки Чокана Валиханова о Джунгарии явились новым словом в русской литературе о народах Востока.

Важнейшим событием в культурной жизни России следует считать появление в русской литературе образцов казахской поэзии (Иванов, Ковалевский и др.), вначале в виде вольного перевода, переложения, а в последующем более близких к оригиналу. Так, П. Н. Распопов перевел на русский язык казахскую поэму, воспользовавшись одним из первых подстрочным переводом, осуществленным казахами, знавшими русский язык.

Многое сделали для изучения и пропаганды казахской устной поэзии русские ученые-ориенталисты, труды которых дали материал для раздумий многим русским писателям. Они могли реально убедиться в том, что народы окраин страны имеют своеобразную литературу, свидетельствующую об их богатой духовной культуре. Когда такой знаток Востока, как Г. Н. Потанин, сравнил казахскую поэму «Козы-Корпеш и Баян-Слу» с лучшими образцами мировой литературы, то это произвело большое впечатление: народ, создавший подобные шедевры, достоин уважения.

В русском обществе постепенно утвердилось мнение о необходимости просвещения казахов. Чтобы искоренить взгляд на «иностранцев» как на людей, неспособных к восприятию культуры, русские писатели и художники, ученые и просветители многосторонне изучают их быт, нравы, обычаи, поэзию и музыку. В казахскую степь начинают проникать цивилизация и культура.

Казахские мотивы в творчестве русских классиков второй половины XIX в.

В конце 40-х годов Ф. М. Достоевский и поэт С. Ф. Дуров (1816–1869), обвиненные как участники кружка Петрашевского, стали узниками «Мертвого дома». По выходе из омской каторжной тюрьмы Достоевский прожил в ссылке в Казахстане почти пять лет, что наложило известный отпечаток на его творчество, обусловив казахские мотивы в некоторых крупных произведениях писателя. А его творческие связи с Ч. Валихановым составили самостоятельную главу в русско-казахских литературных отношениях.

Ч. Ч. Валиханов и Ф. М. Достоевский

Появление на исторической арене в 50–60-х годах XIX столетия даровитого казахского ученого, мыслителя и литератора Ч. Ч. Валиханова было обусловлено целым рядом факторов. Семья Валиханова была предана интересам России, и многие ее члены, в том числе отец Чокана Чингис, издавна были приобщены к русской культуре. Встречи с образованными литераторами, художниками, путешественниками, чтение русской литературы – все это оказало значительное влияние на формирование личности Чокана. Особенно плодотворным в творческой биографии Валиханова был 1860-й – петербургский год его жизни. Это было время напряженного труда: в пегати появляются первые его публикации о путешествии в Восточный Туркестан, он выступает с сообщениями на заседаниях Географического общества, составляет в Генеральном штабе карту Малой Бухарии и долины озера Иссык-Куль, трудится в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, посещает лекции в университете, пишет статьи о казахах и т. д. В «Истории полувековой деятельности Русского географического общества (1845–1895)» есть замечание П. П. Семенова: «Изучив французский и немецкий языки, Валиханов приобрел замечательную эрудицию ко всему, что касалось Центральной Азии». Интенсивная работа и влажный климат Петербурга вызвали обострение давней болезни. Валиханов в

1861 г. вернулся в родные места, где продолжал заниматься изучением казахской степи.

Значительную роль в формировании взглядов Валиханова сыграла его многолетняя дружба с Ф. М. Достоевским. Их знакомство состоялось в 1854 г. в Омске. Весной того же года писатель был переведен в Семипалатинск. «Мне так приятны эти немногие дни, проведенные с Вами в Семипалатинске, — писал Валиханов 5 декабря 1856 г., — это теперь только о том и думаю, как еще побывать у Вас. Я не мастер писать о чувствах и расположении, но думаю, что это ни к чему. Вы, конечно, знаете, как я к Вам привязан и как я Вас люблю».

«Вы бы могли так устроить судьбу свою, — писал в ответном письме от 14 декабря Достоевский, — это были бы необыкновенно полезны своей родине. Например, не великая ли цель, не святое ли дело быть тут ли не первым из своих, кто бы растолковал в России, что такое степь, что значит Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатаем за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце». Это единственное дошедшее до нас письмо Достоевского к Валиханову. К сожалению, судьба других писем Достоевского к Валиханову неизвестна. Между тем Чокан неоднократно писал Федору Михайловичу о своей жизни, просил совета и т. д.

В воспоминаниях А. Г. Достоевской есть эпизод, связанный с рассказом Федора Михайловича (ноябрь 1866) о своем «вещем» сне. Показывая большой палисандровый ящик, Достоевский сказал, что это подарок его «сибирского друга Чокана Валиханова» и что он им очень дорожит. Далее он говорил: «В нем я храню мои рукописи, письма и вещи, дорогие мне воспоминаниями. Так вот, вижу я во сне, что сижу перед этим ящиком и разбираю бумаги. Вдруг между ними что-то блеснуло, какая-то светлая звездочка. Я перебираю бумаги, а звездочка то появляется, то исчезает. Это меня заинтересовало; я стал медленно переключивать бумаги и между ними нашел крошечный бриллиантик, но очень яркий и сверкающий».

Глубокая и трогательная дружба с Валихановым оставила след и в творчестве великого писателя. Продолжением мыслей о будущем казаха Валиханова, а через него и казахского народа, содержащихся в письме Достоевского, следует считать его зрелые суждения, зафиксированные в «Дневнике писателя». И хотя между письмом к Валиханову и записью в «Дневнике» пролегли годы, но мысли автора в них созвучны; «Мы первые объявили миру, что не через подавление лигностей иноплеменных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспеяния, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и самостоятельном развитии всех дружных наций и в братском единстве с ними».

«Нам бесконечно дорого сознавать, — писал М. О. Ауэзов, — что великий русский писатель Ф. М. Достоевский говорил о своих думах и чаяниях с лучшими представителями казахского народа, что он мыслил будущее этого народа связанным с русским народом».

В большинстве произведений Ф. М. Достоевского, начиная с «Дядюшкина сна» и кончая «Дневником писателя» (1873 и 1876–1877), имеются упоминания о казахской степи и ее обитателях. Если, находясь в омском остроге, в «мертвом доме», узник видел казахскую степь, казахские юрты лишь издали, то за пятилетнюю жизнь в Семипалатинске писатель близко столкнулся с казаками, их жизнью, обычаями и нерешенными проблемами, более глубокому пониманию которых способствовал, безусловно, его друг Ч. Ч. Валиханов. В романе «Преступление и наказание» (1866) есть эпизод, в котором использованы лично пережитые писателем в омском остроге чувства, когда он, глядя в степь, завидовал ее обитателям. Поэти тождественно

Раскольникову ведет себя узник «Мертвого дома» (1860–1862). Наступающие весенние дни, по его мнению, «волнуют и закованного человека, рождают и в нем какие-то желания, стремления, тоску». Казахский мотив нашел отражение и в другом известном романе великого писателя – «Игрок» (1866), герой которого вступает в полемику с русским генералом и французом о путях приобретения капиталов. Он говорит, что «возмущает... (его) татарскую породу» немецкий способ «накопления богатств... А я лучше захожу всю жизнь прокогевать в киргизской палатке, чем поклоняться немецкому идолу». В черновых набросках романа «Подросток» (1875) сохранилось имя Валиханова. Таким образом, в чертах характера главного героя романа «Подросток» Версилова автор пытался сохранить образ дорогого ему Чокана Валиханова.

В 1860-е годы широкую известность приобрела литературная и общественная деятельность соратника Чернышевского, поэта, писателя, критика М. Л. Михайлова, написавшего серию очерков из жизни казахов.

В творчестве Сергея Тимофеевича Аксакова (1791–1859) представляют интерес казахские мотивы, хотя они и не нашли у Аксакова столь разнообразного отражения, как в произведениях В. И. Даля. Некрасов писал, что «превосходная книга С. Т. Аксакова „Записки ружейного охотника Оренбургской губернии“ облетела всю Россию». Тургенев обратил внимание на то, что охотничьи произведения Аксакова обогащают «общую нашу словесность». В этой книге особенно привлекают поэтические картины природы Оренбургского края. В «Семейной хронике» также воспеты степные просторы Оренбуржья. Аксаковское видение степи восхищало Н. В. Гоголя. Есть весьма убедительное свидетельство Ю. Ф. Самарина (1877) о глубоком интересе Н. В. Гоголя к природе и жизни населения Оренбургского, или «заволжского», края. Самарин писал, что Гоголь «с напряженным вниманием, уставив... глаза», слушал изустные рассказы С. Т. Аксакова «о заволжской природе и о тамошней жизни». В очерке «Буря» (1834) Аксаков описывает яицкую казачью дорогу, которая от Илецкой Защиты тянется к Уральску, пересекая возвышенность Общий Сырт. Следовательно, Аксаков хорошо знал и казахскую часть Оренбургского края. Интерес представляет и воспоминание Аксакова «Знакомство с Державиным» (1856), состоявшееся в 1815 г. в Петербурге. Молодой Аксаков понравился «певцу Фелицы». Как известно, великому поэту широкую славу принесла именно ода «К Фелице», где, пожалуй, казахская тема впервые вошла в русскую поэзию.

В творчестве знатока народной жизни Николая Семеновича Лескова (1831–1895) нашли отражение и казахские мотивы. «Очарованного странника» Ивана Северьяновича Флягина дороги скитания привели в казахские степи. Сам автор также бывал в степях Оренбуржья, видел собственными глазами серебряное море ковыля. Эти впечатления позволили создать романтическую обстановку пребывания Флягина в плену у кочевников.

Некоторые стороны жизни казахов, в частности их устное поэтическое творчество, не остались без внимания и Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка (1852–1912). Казахской тематике он посвятил несколько произведений. Это так называемые «киргизские» легенды: «Баймаган», «Слезы царицы» (1891), «Лебедь Хантыгая» (1891), «Майя» (1892), в которых писатель, по его же словам, использовал заимствованные им «язык, восточные обороты речи и характерные особенности в конструкции самой темы. Затем из истории взята... основа легенды о Кучуме». Помимо легенд, сюда примыкают очерк «На кумысе» (1891), повесть «Охонины брови» (1892), рассказы «Исповедь» (1894), «Ак-Бозат» (1895). Мамин-Сибиряк

ряк проявлял интерес к крестьянскому движению. Его «Охонины брови» (1892) – «историческая повесть о пугачевщине в Зауралье», «документальная и достоверная в своей основе». Вместе с тем в этом произведении писатель уделил большое внимание кочевникам (башкирам, казахам и др.), в частности участию их в восстании под предводительством Е. Пугачева.

Глубокий анализ вопросов, имевших жизненно важное значение для казахского народа, дал в ряде своих произведений Глеб Иванович Успенский (1843–1902). Стремясь ближе познакомиться со сложным процессом переселения крестьян, писатель летом 1888 и 1889 гг. совершает поездки в места массовых поселений крестьян в Сибири, Уфимской и Оренбургской губерниях. На основе богатого запаса знаний о народной жизни, встреч и бесед с переселенцами, писем от них писатель создал ряд очерков, которые публиковались в газете «Русские ведомости» («Письма с дороги», «От Оренбурга до Уфы» и др.). Позднее они вошли в цикл «Поездка к переселенцам» (1888–1890).

Особый интерес представляет изучение инонациональных мотивов в творчестве Льва Николаевича Толстого (1828–1910). Выразитель настроений русского крестьянства не мог остаться безучастным к судьбам малых народов России: башкир, казахов и других «инородцев». В творческой биографии Л. Н. Толстого Оренбургский край занимает заметное место. Первая его поездка сюда состоялась в 1862 г. в сопровождении слуги А. С. Орехова и крестьянских мальчишек-школьников В. Морозова и Е. Чернова. В своих воспоминаниях И. Л. Толстой писал: «Папа ездил туда (в оренбургские степи) еще до своей женитьбы в 1862 году, потом, по совету доктора Захарьина, у которого он лечился, он был на кумысе в 1871–1872 году, и, наконец, в 1873 году мы поехали туда всей семьей». В поездке 1871 года вместе с ним был С. А. Берс, шурином писателя, и слуга И. В. Суворов. Л. Н. Толстой жил в Каралыке. Н. Гусев отмечал, что он там ничего не писал, не читал греческих авторов, ходил и ездил по окрестным деревням, охотился, пил кумыс, беседовал с кумысниками, играл в шашки с башкирами. За период 1862–1883 гг. писатель десять раз посетил Оренбуржье. Если первые поездки были вызваны необходимостью лечения кумысом, то последующие – интересом к жизни народа. В письме к жене он писал: «Ново и интересно многое: и башкиры, от которых Геродотом пахнет, и русские мужики, и деревни, особенно прелестные по простоте и доброте народа». Это писатель отразил позже в произведениях: «Воскресение», «Много ли человеку земли нужно?», «Ильяс», «За что» и др. Увиденное и пережитое отразилось в известной мере и в романе «Анна Каренина», который был завершён Толстым в период его поездок в оренбургские степи. Читатели помнят, как Каренин, крупный государственный чиновник, возглавил комиссию «для исследования во всех отношениях быта инородцев», которая работала необычайно быстро и энергично и через три месяца представила отчет... Внимательно следя за жизнью народов окраин России, Л. Н. Толстой задумал написать ряд произведений из истории Оренбургского края. Он интересуется «Записками Оренбургского отдела РГО», книгой М. С. Бекчурина «Туркестанская область» (1872) и др. Именно к периоду оренбургских поездок относится и замысел большого исторического полотна. Писатель деятельно собирает материал, работает в архивах Москвы и Петербурга. К сожалению, его мечта об историческом романе о декабристах, попавших в ссылку в Оренбургский край, не осуществилась. Осталось несколько глав романа «Декабристы» и наброски повести «Князь Федор Щетинин».

Внимательно наблюдал своеобразную жизнь уральских казаков и особенности быта местного кочевого населения Владимир Галактионович Короленко (1853–

1920). Собранный материал послужил основой для серии очерков, объединенных общим заглавием — «У казаков». Впервые они были опубликованы в конце 1901 г. в XI и XII книжках «Русского богатства».

* * *

Со второй половины XIX в. художественный перевод стал главным фактором интенсивного взаимодействия двух литератур. Родоначальниками переводческого искусства в казахской литературе явились выдающиеся просветители Абай Кунанбаев и Ибрай Алтынсарин.

Классик казахской литературы Абай, проявляя исключительный интерес к русской поэзии и прозе, справедливо считал, что изучение языка, культуры и искусства русских является ключом к лучшей жизни для его народа. Желая приобщить казахов к миру великих русских писателей, Абай первым перевел на родной язык произведения И. А. Крылова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Абай ввел одиннадцать не существовавших до него стихотворных форм. В казахской поэзии зазвучала новая тематика, гражданский пафос.

Целеустремленной была и переводческая деятельность Ибрая Алтынсарина, стремившегося с помощью своих переводов произведений И. А. Крылова, Л. Н. Толстого и других приобщить родной народ к русской культуре. Алтынсарин впервые создал небольшую школу переводчиков из числа своих воспитанников. Он мечтал о составлении алфавита казахского языка на основе русской графики и в 1879 г. в Оренбурге опубликовал свою «Киргизскую хрестоматию» для казахских детей русскими буквами. Борьба шла не только за русский алфавит, но и за русский метод обучения казахских детей, и эта борьба со стороны И. Алтынсарина была прогрессивным явлением, ибо через мусульманские медресе росло влияние идей панисламизма.

Кроме Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина, Чокана Валиханова, следует назвать Испандияра Кубеева, принимавшего участие в переводе произведений русской литературы. В 1910–1911 гг. Кубеев выпустил сборник «Образцовый перевод», в котором были помещены переводы басен И. А. Крылова и рассказов для детей Л. Н. Толстого. Первое крупное прозаическое произведение казахской литературы — роман И. Кубеева «Калым» (1913) — несет на себе отчетливое влияние Н. В. Гоголя. Широкое влияние многих гоголевских образов нашло отражение в творчестве М. Ауэзова, С. Муканова, Г. Мусрепова и др.

На развитие жанра рассказа в казахской литературе воздействие оказало творчество А. П. Чехова. М. О. Ауэзов писал: «Я читаю и перечитываю его книги, напоенные удивительной душевной красотой писателя, глубоко поэтичные по своему художественному строю, и, может быть, поэтому Чехов представляется мне светлой вершиной, озаренной утренним солнцем...»

<http://bibliotekar.kz/russko-kazahskie-literaturnye-otnoshenij>

Казахская литература XIX — начала XX вв.

Казахская письменная литература в ее современном виде начинает складываться только во II половине XIX в. под влиянием **диалога с русской культурой**. У истоков этого процесса стоят казахские просветители Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин и Абай Кунанбаев.

Чокан Валиханов (1835–1865) — первый казахский ученый, просветитель, историк, этнограф, путешественник и дипломат. Правнук хана Аблая, он родился в

прорусской семье, в казахской школе учил арабский язык и знакомился с восточной поэзией и литературой. Окончил Омский кадетский корпус, который был для азиатской части Российской империи своего рода Царскосельским лицеем. По окончании был произведен в корнеты, носил русский военный мундир, будучи российским офицером и чиновником, исполнял поручения царской администрации. В его обязанности входили функции историографа и участие в экспедициях на Иссык-Куль, в Кульджу, Кашгар, во время которых Валиханов вел путевые дневники и на их основе впоследствии написал очерки о киргизах (так в XIX в. называли казахов) — об их истории, общественном родовом устройстве, нравах и обычаях, мифах и легендах («Записки о киргизах»).

Валиханов первый записал и перевел на русский язык часть героического эпоса «Манас» («Смерть Кукотай-хана и его поминки»), народную эпическую поэму «Козы-Корпеш и Баян-Слу». В своих работах он много внимания уделял особенностям импровизаторского искусства акынов, ритмике казахского стиха. Ряд исследований посвящен изучению зороастрийских корней казахского менталитета и синкретизма шаманства с исламом у степных народов — «Следы шаманства у киргизов (казахов)», «О мусульманстве в степи». Весной 1861 года были опубликованы его «Очерки Джунгарии», а также основные работы, посвященные истории и культуре Средней Азии и Востока («Киргизское родословие», «О кочевках киргиз», «Предания и легенды большой Киргиз-Кайсацкой орды» и др.).

Живя в Петербурге в 1860–1861 годах, он близко знакомится с идеями русских революционных демократов, общается и дружит со многими представителями передовой демократической интеллигенции: Ф. Достоевским, С. Дуровым, И. Березиным, А. Бекетовым. По рекомендации П. Семенова-Тян-Шанского был принят в действительные члены Императорского русского географического общества.

Оставаясь идеалистом в понимании общественной жизни, Валиханов осуждал произвол казахских феодалов и колонизаторскую политику царизма, высказывался за приобщение казахов к русской культуре.

Ибрай Алтынсарин (1841–1889) также окончил русско-казахскую школу, служил переводчиком в Оренбурге, учителем и инспектором школ. При этом он добивался, чтобы русских школ для казахской молодежи открывалось как можно больше. В 1879 г. выходят его «Начальное руководство к обучению киргизов русскому языку» и «Киргизская хрестоматия», в которую были включены многие его рассказы и стихотворения, а также произведения русских авторов, переведенные на казахский язык. Литературная деятельность Алтынсарина носила просветительский характер и являлась частью общественно-педагогической практики. Произведения «Невежество», «Коварному аристократу» осуждали фанатизм и суеверия, «Кипчак Сейткул» и «Деревянный дом и юрта» убеждали скотоводов заниматься земледелием, «Сын бая и сын бедноты» противопоставлял трудолюбие бедняков скупости и жадности богачей. В стихотворениях «Весна» и «Осень» впервые в казахской поэзии Алтынсарин реалистически описывал казахский пейзаж и картины кочевого быта. Писал он и о бесправном положении женщин в традиционном казахском обществе. Как фольклорист записал и опубликовал сказки «Кара батыр», «Алтын-Айдар», легенду «Жиренше-острослов», отрывок из эпоса «Кобланды» и мн. др.

Поборник дружбы с русским народом, основоположник реалистической литературы, поэт и мыслитель **Абай Кунанбаев (1845–1904)** был продолжателем дела Валиханова. Его творчество определило культурно-просветительское движение конца XIX — начала XX вв., оказало огромное воздействие на последующее развитие казахского литературного языка. Кунанбаев получил классическое вос-

точное образование. В медресе имама Ахмет-Ризы он изучал арабский, персидский, другие восточные языки, знакомился с классической персидской литературой: Фирдоуси, Низами, Саади, Хафизом и др. Одновременно, нарушая запрет медресе, посещал русскую приходскую школу. В 28 лет отошел от выполнения административных функций главы рода, целиком отдавшись самообразованию. Абай пишет стихи, усиленно изучает русскую культуру, занимается в публичной библиотеке. Знакомство с русскими политическими ссыльными оказало сильное влияние на формирование мировоззрения поэта. Он переводит на казахский произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова, зарубежных классиков, пишет казахские песни на слова отрывков из «Евгения Онегина». Наиболее известна его положенная на музыку элегия «Карангы тунде тау калгып» — стихотворный перевод «Ночной песни странника» Гёте.

Литературное наследие Абая составляют стихи, поэмы, стихотворные переводы и переложения, прозаические «назидания». Его поэзия отличается классической простотой и изяществом художественных приемов. Он вводит новые стихотворные формы — шестистишия и восьмистишия: «Из времени выпадает миг» (1896), «Разве не должен, мертвый, я глиной стать» (1898), «На воде, как челнок, луна» (1888), «Когда станет длиною тень» (1890) и др. Широко известны стихи, посвященные временам года. Для его поэзии характерны глубокий философский смысл и гражданское звучание. В стихотворениях «О, казахи мои», «Восьмистишия», «Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон...», «Измучен, обманут я всеми вокруг...» звучит критика феодальных устоев. В сборнике художественно-философской прозы «Гаклии» («Назидания») затронуты исторические, педагогические и правовые темы, автор призывает народ встать на путь прогрессивного культурного развития, упорного и честного труда.

Ряд казахстанских изданий стали лауреатами международного конкурса «Искусство книги» в РФ (2013)

Диплом I степени в номинации «Содружество» вручен издательству «Фолиант» за подготовку и выпуск книги-альбома Анатолия Гурского «Казахстан–Россия: дорогой ветной дружбы». В номинации «Моя страна» диплом III степени присужден издательству «Атамур» за выпуск книги Ахмета Токтабая «Казахская борзая тазы»; в номинации «Культура. Наука. Образование» специальный диплом полузило издательство «Алматыкитап Баспасы» за выпуск книги Абая Кунанбаева «Абай. Слова назидания»; в номинации «Арт-Книга» дипломом II степени отмечено издательство «Фолиант» за выпуск альманаха Шакира Ибраева «Туркі дуніесі»; в номинации «Отпегатано в Содружестве» диплом III степени полузило издательство «Атамур» за подготовку и пегать альбома А. Иващенко и О. Белялова «Цветы Казахстана» («Казакстан гулдері»), а также в номинации «Гран-при» диплом номинанта полузило издательство «Мерекенін Баспалар уйі» за переиздание трудов М. Терентьева «История завоевания Средней Азии с картами и планами» в трех томах.

<http://kzlive.vectorinfo.ru/news.php?ID 2505 sphrase id 15644>

Начало XX в. стало периодом расцвета казахской литературы, впитавшей в себя черты восточной и европейской литератур. В это время закладываются основы современной казахской литературы, окончательно формируется литературный язык.

Классики казахской литературы

Ахмет Байтурсын (1873–1913) занимался педагогической и литературной деятельностью – переводил басни Крылова, издал популярные среди казахов поэтические сборники «Кырык мысал» и «Маса» (1911). Ахмета Байтурсына можно назвать первым казахским лингвистом, он писал статьи, в которых выступал за чистоту казахского языка.

Нарождающаяся казахская литература осваивала крупные литературные формы – романы, повести. Поэт и прозаик **Мыржакып Дулатулы** (1885–1925) – автор нескольких поэтических сборников и первого казахского романа «Несчастная Жамал» (1910), выдержавшего несколько изданий и вызвавшего большой интерес у русской критики и казахской общественности. Он также занимался переводами на казахский А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Крылова, Ф. Шиллера, был новатором и реформатором казахского литературного языка. **Спандияр Кобеев** (1878–1956) известен как переводчик басен Крылова и автор одного из наиболее значительных казахских романов «Калым» (1913).

Писатель и журналист **Мухамеджан Сералыулы** (1872–1929), известный произведениями «Топ жарган» (1900), «Гульгашима» (1903), переводом поэмы «Рустем-Зораб» из эпоса «Шахнаме» А. Фирдоуси, был главным редактором журнала «Айкап» (1911–1915), вокруг которого группировались прогрессивные творческие силы. Сотрудничавший с журналом **Султанмахмуд Торайгыров** (1893–1920) писал стихи и рассказы на темы неравенства, известен его роман «Камар Сулу».

С именем **Магжана Жумабая** (1893–1937) связано внедрение в казахское стихосложение новых поэтических форм, а в казахский литературный язык – стилистической системы, которая сохраняется по сей день. **Шакарим Кудайбердыулы** (1858–1931), племянник Абая Кунанбаева, в 1911 году опубликовал одну из первых работ по истории казахов – «Родословная тюрков, киргизов, казахов и ханских династий». Шакарим Кудайбердыулы – автор большого числа стихотворений, поэм и прозаических произведений. Он перевел в стихотворной форме «Дубровского» А. Пушкина, которого считал своим учителем, как и Дж.-Г. Байрона, М. Лермонтова, Хафиза, А. Навои, И. Канта, А. Шопенгауэра.

Казахская литература XX века

После Октябрьской революции в творчестве акынов Джамбула Джамбаева, Нурпеиса Байганина, Доскея Алимбаева, Нартая Бекежанова, Омара Шипина, Кенена Азербаетова активно развиваются социальные мотивы и темы социалистического строительства.

Родоначальниками казахской советской литературы стали поэты Сакен Сейфуллин (поэмы «Советстан», «Альбатрос», «Социалистан», повести «Землекопы», «Плоды»), Баймагамбет Изтолин, Ильяс Жансугуров (поэмы «Степь», «Музыкант», «Кулагер»), писатели Мухтар Ауэзов («Ночные раскаты»), Сабит Муканов (социально-исторический роман «Ботагоз» [«Загадочное знамя»]), Беимбет Майлин (повесть «Коммунистка Раушан», роман «Азамат Азаматыч»).

Первой на события Великой Отечественной войны в казахской литературе отозвалась гражданско-патриотическая поэзия – поэма К. Аманжолова «Сказание о смерти поэта» (1944) о подвиге погибшего под Москвой поэта Абдуллы Джумагалиева, произведения А. Токмагамбетова, Т. Жарокова, Г. Орманова и др. После войны появились романы «Солдат из Казахстана» Г. Мусрепова (1949), «Курляндия» А. Нурпеисова (1950), «Грозные дни» Т. Ахтапова (1957), мемуары Б. Момышулы «За нами Москва» (1959).

В 1954 году **Мухтар Ауэзов** закончил получившую признание во многих странах тетралогию «Путь Абая».

Мухтар Ауэзов и Ленинград

Национальная библиотека Республики Казахстан в 2012 году объявила о проведении международной акции «Читаем Мухтара Ауэзова», посвященной 115-летию со дня рождения классика казахской литературы, драматурга, переводчика, видного ученого, автора исследований по истории казахской и киргизской литературы и фольклора, основоположника абаведения (М. Ауэзов – внугатый племянник великого казахского поэта и просветителя Абая Кунанбаева) Мухтара Омархановича Ауэзова (1897–1961). (День рождения М. О. Ауэзова внесен ЮНЕСКО в календарь памятных дат человечества.) В рамках этой акции Библиотека национальных литератур в Петербурге представила виртуальную выставку «Мухтар Ауэзов и Ленинград». Мухтар Ауэзов несколько лет прожил в Ленинграде. Здесь он учился в Ленинградском университете (1923–1928). (В 1997 году, к 100-летию со дня рождения Мухтара Ауэзова, в актовом зале Санкт-Петербургского университета установлена памятная доска.) Здесь встретил свою жену – ленинградку Валентину Николаевну Кузьмину. С Ленинградом была связана и его творческая жизнь – долгие годы он дружил и работал с ленинградскими писателями, переводчиками: поэтом Всеволодом Рождественским, Павлом Лукницким, Анной Никольской и др.

Всеволод Рождественский вспоминал: «В один из моих очередных приездов <в Алма-Ату> мы долго беседовали об Абае Кунанбаеве. Со слов Мухтара я уже имел общее впечатление о том, какую основополагающую роль сыграла деятельность этого замечательного поэта-просветителя в развитии казахской литературы, в общей культуре народа. Мухтар сетовал на то, что творчество Абая еще недостаточно известно многонациональному советскому читателю. И у него зародилась мысль издать на русском языке наиболее примечательные произведения классика казахской поэзии. Он уговорил меня взяться за перевод, а на мои замечания о том, что, не зная языка, я вынужден буду прибегать к подстрочнику, горячо предложил мне свою помощь. Мало того, он взял на себя предварительные переговоры с казахским государственным издательством. А когда вопрос был решен, сам, теряя немало времени, переводил мне строчка за строчкой тексты, определяя метрический ход стиха, гитая вслух оригинал, раскрывая и художественные его особенности, и национальное своеобразие бытовых деталей. Это были увлекательные лекции-импровизации, вводившие меня не только в поэзию Абая, но и в дореволюционный быт казахских степей и предгорий. Мне, как слушателю, можно было только позавидовать. Знания Мухтара Ауэзова в этой области были поистине неистерпаемы. Возможно, он уже накапливал материалы, которые легли в основу его будущего романа „Абай“. Небольшой сборник стихотворений Абая Кунанбаева в моем переводе действительно вышел в Алма-Ате в 1936 году, и своим появлением на свет он всецело обязан Мухтару Ауэзову. Без его дружеской поддержки труд переводчика вряд ли был бы доведен до конца. А ведь это было первое появление стихов Абая на русском языке».

<http://lermontovka-spb.ru/bnl/virt-vystavka-muhtar-aezov-i-peterburg/>

Послевоенная казахская литература осваивала крупные формы «большого» советского стиля, тяготела к масштабным литературным жанрам: романам, трилогиям, поэмам и романам в стихах (С. Муканов, Г. Мустафин, З. Шашкин, Х. Ергалиев, Г. Каирбеков, Дж. Мулдагалиев и др.). Развивалась драматургия (Ш. Хусаинов, А. Абишев, А. Тажибаев), научная фантастика (М. Сарсекеев, Ш. Алимбаев).

В 1970-х внимание читателей привлекла книга известными сборниками «Доброе

время восхода» (1961), «Над белыми реками» (1970), «Повторяя в полдень» (1975) казахского поэта и прозаика Олжаса Сулейменова «Аз и Я» (1975). В ней он развивал идеи о родстве казахов и древних шумеров, обращал внимание на большое количество слов тюркского происхождения в русском языке, что говорило, по его мнению, о сильном влиянии тюркской культуры на русскую. В оживленной дискуссии, развернувшейся в печати, Сулейменова обвиняли в пантюркизме и национализме.

В стихотворениях Олжаса Сулейменова «Кочевник», «Песня кумана», «Хромой кулан», «Карагач», «Красный гонец и черный гонец», «Молитва батыра», «Кочевье перед зимою...», «Баллада», «Волчата», «Последнее слово акына Смета» и других произведениях этого яркого представителя казахской поэзии второй половины XX столетия, ученого и дипломата, общественного и государственного деятеля, прослеживаются и личностное начало, и глубоко индивидуальный поэтический взгляд на мир. Элементы народной поэтики, характерный для многих акынов так называемый степной рефрен, мгновенная импровизация, рожденная поэтической мыслью, – это и многое другое отличает Сулейменова как сугубо национального классика, чье творчество, вышедшее из многовековой традиции, именуется поэзией степей.

Современная казахская литература продолжает развиваться в контексте общемировой цивилизации, впитывая и развивая новые культурные веяния с учетом собственных возможностей и интересов.

<http://www.kazakhstanlive.ru/culture/literature/>

Русские писатели Казахстана

История Казахстана сложилась таким образом, что он, в отличие от других республик бывшего СССР, стал наиболее многонациональной и поликультурной страной. Если справедлива пословица «Нет худа без добра», то драматичная, даже трагическая история Казахстана, особенно советского периода, превращенного сначала в гигантский лагерь, затем в штурмом поднятую целину и национальный ядерный полигон, стала примером духовного братства и единства самых разных народов. Иными словами, Казахстан оказался в центре большой истории XX века на пути перекрестного взаимодействия разных национальных культур с культурой Казахстана. Все это имеет непосредственное отношение и к литературе.

«...Постою на краю». Русские писатели, волею разных судеб оказавшиеся в советских национальных республиках, попали в особые условия жизни и творчества. В современной культурологии такие условия называют маргинальными. Они получили возможность в своем творчестве «пересекать этнографическую границу», по выражению известного казахстанского критика Н. С. Ровенского, то есть писать и жить в условиях инонациональной культуры, сопоставляя собственно русские духовные ценности с казахскими. Они оказались на стыке, скрещении двух культур и литератур, что, безусловно, стимулировало художественный синтез их творчества. Это означало, что русский писатель, познавая казахскую действительность и ментальность, по-иному, как бы со стороны, осознавал и свое этнокультурное начало. Тем более что уже в 30 годы XX века начался активный процесс такого взаимного русско-казахского (и не только) художественного узнавания. Очень точно сказал об этом О. Сулейменов, родоначальник казахского литературного русскоязычия: «Мы кочуем навстречу себе, узнаваясь в другом».

Конечно, не обошлось здесь и без естественной в таких условиях ностальгии, ощущения оторванности от своей исторической родины и большой, русско-мос-

ковской литературы, которая в лице Союза писателей СССР не особенно часто вспоминала о своих литературных пасынках или «блудных сыновьях», оказавшихся после раскола советской империи за пределами России — о гражданах разных стран СНГ. Художник, по традиции всегда ощущающий себя космополитом, гражданином мира, вдруг утратил свободу передвижения, оказался в территориально замкнутом пространстве. Словно в предчувствии разрыва привычных связей, распада единого культурно-экономического пространства СССР, у русских поэтов Казахстана обострился саднящий мотив «двух родин». Новый патриотизм оборачивался двойным патриотизмом:

Я здесь живу усыновленный,
Но с каждым днем сильнее грусть.
К любви своей неутоленной
Я обязательно вернусь.

(О. Постников)

С другой стороны, это был знак давно назревшей эпохи перемен. Если народы бывшего СССР, словно в одиночестве, разбежались по своим национальным квартирам, то писатели, как в глухие годы брежневщины, затаились на своих национальных кухнях, как бы на время утратив чувство своей причастности к большой истории XX века. Ее глобализм и катастрофичность, которые вошли теперь в жизнь каждого из нас, лишний раз подтвердили простую и великую истину о том, что нет чужих среди людей. Все это непосредственно коснулось и русских литературных маргиналов.

Если в 1970-х годах Н. Ровенский, так сказать, ребром ставил непростой вопрос «Что есть русский поэт (писатель вообще) в национальной республике?», то на переломе столетий в независимом Казахстане несомненную актуальность получает вопрос «Что есть русская литература Казахстана? Не превратилась ли она теперь всего лишь в русскую литературную диаспору?»

Немного большей истории. Казахстан еще в XIX веке привлекал огромное и пристальное внимание ученых и писателей разных стран: США, Польши, Германии, но в первую очередь, конечно, России. Начиная с Пушкина, Даля, Гребенщикова, Достоевского и выдающихся ученых востоковедов (А. Е. Алекторов, Г. Н. Потанин, В. В. Радлов, Н. И. Ильминский, П. М. Мелиоранский), в Казахстан проникают и находят для себя благодатную почву образы и идеи русской литературы и науки. На смену «тихому» колониальному XIX веку приходит XX век — «растерзанное столетие» (Р. Конквист). Усиливаются экономическая и политическая колонизация огромной богатой страны, подавляется развитая кочевая культура. В советское время развернулся сталинский геноцид в отношении казахов и многих других народов, в том числе и русского. Еще раньше большевистский ленинский переворот 1917 года и Гражданская война усилили не только общекультурные, но и насильственные процессы миграции, которые способствовали зарождению русских литературных очагов как в областных, так и столичных (Кзыл-Орда, Алма-Ата) городах Казахстана. Известный ученый-филолог, современник тех лет и событий М. Ритман-Фетисов свидетельствовал: «Если до революции огромные пространства России, быт, жизнь народов, населяющих эту большую страну, оставались неизвестными художественной литературе, то сейчас мы наблюдаем резко противоположное явление. Сейчас растут поэты и писатели на местах». Революция, советская власть постепенно разрушали барьеры языков, культур и национальных традиций. Пафос социального раскрепощения, обещанного большевиками, породил ощущение человеческого братства, взаимный интерес.

Зачинателями русской литературы Казахстана, прежде всего в силу этих исторических обстоятельств, стали русские писатели И. Шухов, А. Сорокин, Н. Анов, Дм. Черепанов, Дм. Снегин, М. Зверев, В. Чугунов и др. В освоении нового казахстанского материала в той или иной степени участвовали собственно российские писатели: Дм. Фурманов, М. Пришвин, Ю. Домбровский, Л. Мартынов, С. Марков, уроженцы Казахстана Вс. Иванов, П. Васильев. Но те, кто связал свою жизнь с Казахстаном, уже начинали работать в тесном сотрудничестве с казахскими писателями — М. Ауэзовым, С. Муқановым, Г. Мустафиным. Главной формой такого сотрудничества стали, конечно, перевод, взаимная литературная учеба и поиски совершенства. Тогда же, в середине 1930-х годов, начинает выходить первый литературно-художественный русскоязычный журнал «Советская литература Казахстана», впоследствии «Простор».

Многие народности и нации по достоинству оценили сердечное гостеприимство и помощь казахов. Но вот трагический парадокс, о котором в 1960-х годах писал О. Сулейменов в поэме «Дикое поле». Новый дом, новая родина для многих тысяч разноплеменных людей стали на долгие годы или тюрьмой, или каторгой: «Ты (Казахстан) огромною каторгой плавал на маленькой карте. Мы, казахи, на этой каторге родились». Карагандинский, джамбульский, северо-восточный и другие лагеря не вычеркнуть из нашей общей интернациональной памяти. Эта трагическая страница в истории социалистического Казахстана пока еще ждет своих художников, хотя уже опубликованы повесть А. Никольской «Передай дальше», диалогия **Ю. Домбровского** «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей», роман С. Елубаева «Одинокая юрта», повесть о заложниках и узниках Карлага Вл. Берденникова «Свидетельствую...», воспоминания Р. Тамариной «Щепкой — в потоке».

Юрий Домбровский и Казахстан

Среди русских писателей, чья судьба связана с Казахстаном, особое место занимает Юрий Осипович Домбровский (1909–1978). Долгие годы он провел в ссылках, тюрьмах и лагерях. С Алма-Атой связана большая часть его жизни. В 1933 г. Домбровский был арестован в первый раз. Его по приговору выслали в Алма-Ату. Здесь он занимался археологией, искусствоведением, журналистикой, преподавал. Снимал угол в Тастаке у вдовы-казашки с пятью ребятами. Каждое утро она пекла лепешку и ломала ее на шесть частей — своим детям и этому гужому человеку. Вспоминая об этом, он никогда не мог сдержать слез. Второй раз его арестовали по месту ссылки, в Казахстане, в 1936 г., но спустя семь месяцев отпустили. За три года, проведенные на свободе, он успел опубликовать исторический роман «Державин» (1939). И в этом же году — третий арест и колымские лагеря. Ему «повезло»: он получил инвалидность и был досрочно (1943) освобожден. Вернувшись в Алма-Ату, устроился на службу в театр, читал студентам лекции о Шекспире, работал над романами «Обезьяна приходит за своим черепом», «Смуглая леди». До следующего ареста успел их закончить. В 1949 г. его арестовали в четвертый раз. Очередной срок отбывал на севере и Озерлаге до 1955 года.

Весь 1955 год жил и работал в Алма-Ате, сотрудничал в газете «Казахстанская правда» и журнале «Литературный Казахстан». Потом ему разрешили вернуться в Москву. Несколько лет он напряженно работал над романом «Хранитель древностей» («Новый мир», 1964). Главный герой, озевидец и участник страшных событий эпохи, удивлял читателя образованностью, редкой интеллигентностью. Но «Хранитель древностей» только увертюра к главной книге — роману «Факультет ненуж-

ных вещей». Этот роман во многом автобиографичен и, конечно, не мог быть опубликован в СССР. Он впервые увидел свет в 1978 г. во Франции. И только много лет спустя вышел в нашей стране.

Домбровский был по характеру просветителем и интегратором культур. Он дружил со многими казахами. И не только писателями и деятелями творческой интеллигенции, которые потом будут именовать его учителем. Культура Казахстана была для него настолько родной, что он заразил своим отношением москвичей Юрия Казакова и Владимира Дудинцева, которые по настоянию Домбровского приехали в Алма-Ату.

Великоблепно зная историю и законы истории, Домбровский понимал, что все империи обречены на распад и что многонациональная советская империя обречена, но считал, что Казахстан, даже став независимым, будет нуждаться в русской культуре.

http://atamanzaharov.blogspot.co.il/2013/07/blog-post_17.html <http://www.ote4estvo.ru/pisатели/1628-dombrovskiy-yuriy-osipovich.html>

А насильственная коллективизация казахов, прирожденных кочевников, в 1920–1930-х годах? А злоешие процессы троцкистов, шпионов, космополитов, когда в числе многих честных и невинных людей «национал-фашистскими бандитами» были объявлены С. Сейфуллин, И. Джансугуров, Б. Майлин? Это факты, которые объединяли Казахстан с общей судьбой страны и в то же время выделяли его в этой горестной судьбе.

После 1937 года сталинский политический террор и демагогия все сильнее наваливаются на жизнь и литературу республики. Классовой ненавистью к местным «врагам народа» пытались заразить даже такого самородка, как прославленный акын Джамбул. В русском варианте его речи (песни) на II съезде КП(б)К читаем:

Шпионы оделись в народный чапан,
Шпионы — Исаев и Мирзоян:
Фашистам хотели продать Казахстан...

Иван Шухов, автор бесстрашного романа о коллективизации — «Ненависть», пишет пьесу о «вредителях» — «Заговор мертвых» (1938). Кто-то идет на компромиссы, кого-то берут под арест.

В очень скромной по своим художественным достоинствам русской прозе конца 1930-х и 1940-х годов выделяется исторический роман Ю. Домбровского «Державин». Его первая часть публикуется в «Литературном Казахстане» (1938. № 1–4), обсуждается в публичной библиотеке. Кажется, еще никому невдомек, что роман вызван к жизни трагической современностью. Но уже начинается «чистка» в русской литературной группе при СП Казахстана. Война на время отвлекает от искусства «великого друга советской литературы» Сталина и его идеологических подручных. Но в первые послевоенные годы, когда начинается борьба с космополитами, критика, призывая к «высокой партийности и художественности казахской литературы», снова исходит ядом классовой ненависти и занимается выкручиванием рук уже на местах. Вернувшийся с фронта, молодой, уверенно начинающий поэт Л. Кривошеков пишет в 1950 году искреннюю стихотворную здравницу Сталину, вовсе не подозревая, какой трагической правдой и самообманом наполнялись его восторженные строки и для «врагов народа» (еще тогда), и наполняются для нас теперь:

«История СССР»...
 Я медленно листаю.
 Морщины ранние бегут со лба:
 На всех этапах Сталин, Сталин, Сталин...
 Страны моей счастливая судьба...

Мы далеки от мысли компрометировать Джамбула, Шухова, Кривошекова. На вынужденные компромиссы шли и Ахматова, и Пастернак, да и кто из рядовых и безвестных людей не шел на подобные компромиссы даже в эпоху застоя (60–80-е гг.)? Речь идет об особенностях литературного процесса 1930–1950-х годов, о том, как пытались подчинить идеологическому единomyслию самых разных художников. О том, как литература все-таки противостояла духовному идеологическому оболваниванию, когда Горького провозглашали «певцом пролетарской ненависти», а творчество Пушкина – «частицей социализма». Важно понять, как могла в таких условиях выжить и выстоять творческая совесть художника и какие неизбежные потери она все-таки несла. Ведь не случайно к началу 1950-х годов Шухова уже ругают за «слабую теоретическую (читай – идейную!) подготовку». И кто ругает – Сабит Муканов! Видимо, уже не позволяла И. Шухову совесть писать в духе «Заговора мертвых»... Окраинной, маргинальной русской литературе приходилось особенно трудно. Поэтому ее проза, представленная такими именами, как И. Шухов, Н. Анов, Дм. Снегин, А. Дубицкий, М. Зуев-Ордынец, преимущественно уходила в историю (до- или революционную), опиралась на личный военный опыт (Дм. Снегин). Именно проза, потому что поэзия в основном была загипнотизирована праздничным пафосом различных юбилеев, великих сталинских свершений и побед. Для русских прозаиков, как и для казахских (пожалуй, в первую очередь!), здесь очень удобным и своевременным предлогом была задача подъема национальной исторической целины, то есть осмысление истории и культуры как преодоление национальной замкнутости, как поиск собственного пути на рубеже XIX и XX веков. Правда, это было только начало, и «Путь Абая» М. Ауэзова только предвещал появление в 1960–1970-х годах исторической прозы Г. Мусрепова, **И. Есенберлина**, А. Нурпеисова (автора крупнейшего полотна XX века «Кровь и пот»), М. Магауина, А. Кекильбаева, А. Тарази, Д. Досжанова.

В Петербурге прошел творческий вечер казахского писателя Ильяса Есенберлина

В Библиотеке национальных литератур 14 февраля 2015 года состоялся литературный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося казахского писателя Ильяса Есенберлина (1915–1983). Библиотекарь Дарья Соколова прочитала лекцию о жизни и творчестве классика казахской литературы, автора знаменитого исторического романа-трилогии «Козевники». Был показан фильм по произведению писателя. Творчество И. Есенберлина – философская трактовка уроков истории, издержек современности, планов на перспективу с помощью художественных образов. Есенберлин смог соединить искусственно прерванную способность нации самостоятельно думать и решать судьбоносные вопросы без оглядки на «опекунов» свыше и со стороны.

На основе второго тома трилогии «Козевники» – «Оттаяние» – в 2005 году был снят фильм. Действие разворачивается в XIX веке в Казахстане, во время освободительной войны казахского народа против джунгарских захватчиков. Легенда предсказывает появление нового героя, который призван освободить свой народ от вра-

жеского ига. Таким героем предстоит стать простому юноше Мансуру. Именно ему предназначено судьбой объединить все казахские племена в один народ, чтобы общими усилиями изгнать с родной земли джунгарскую орду.

Ильяс Есенберлин награжден двумя медалями: «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда». Празднование юбилея автора «Козевников» и «Золотой Орды» включено в календарь знаменательных дат ЮНЕСКО.

http://www.spbdn.ru/sobitiya_i_fakti/nformaciya_smi/

[v peterburge.proydet.tvorcheskij.vecher.kazahskogo.pisatelya.ilyasa.esenberlina.html](http://peterburge.proydet.tvorcheskij.vecher.kazahskogo.pisatelya.ilyasa.esenberlina.html)

Но прежде всего это было граждански честное стремление уйти от «социального заказа» эпохи матеревшего в своей беспощадности советского тоталитаризма. Характерно, что в застойные десятилетия историческая проза укрепляет свои позиции и завоевывает главные симпатии читателя. «Историками» становятся и поэты (О. Сулейменов), и критики (в первую очередь казахские). Так добываются крупницы правды. Мода на официальный интернационализм в литературе конца 1970-х годов уже набивает оскомину и окончательно рушится в самой действительности – в уличных демонстрациях протеста декабря 1986 года...

В послевоенные годы и до конца 1950-х годов укрепилась качественно и количественно русская литературная диаспора. Были освобождены из лагерей и получили разрешение вернуться, в том числе из-за границы, хотя бы в Алма-Ату, Р. Тамарина, М. Зуев-Ордынец, А. Никольская, Н. Раевский, семья замечательной поэтессы, умершей в Париже, Ирины Кнорринг, частым гостем стал Ю. Домбровский. Не забудем о том, что этот процесс иммиграции начался, конечно, раньше, когда, спасаясь от московского «госужаса» (КГБ), в Алма-Ату переехали И. Шухов, Н. Анов, и, конечно же, оставила свой неизгладимый след творческая элита, эвакуированная в годы войны (М. Зощенко, К. Паустовский, В. Шкловский, С. Эйзенштейн, В. Жирмунский, Н. Черкасов, Б. Блинов, С. Магарил и др.). Но и Караганда, например, также помнит и чтит своих великих «зэков»: А. Чижевского, Н. Заболоцкого, Н. Коржавина...

Коренного петербуржца Михаила Зощенко нагало войны застало в родном городе. Уезжать из осажденного Ленинграда он не собирался. Но по распоряжению обкома должен был быть эвакуирован. В столицу Казахстана приехал 26 октября. В предисловии к первой публикации глав из книги «Перед восходом солнца» он назовет Алма-Ату благословенной. Работая на «Мосфильме», Зощенко правил сценарии, придумывал титры. Сохранились его короткие сатирические сценарии для «Боевого киноборника». Для Г. Александрова написал сценарий «Опавшие листья» (не реализован). Киносценарий о солдате «Трофим Бомба» позже напечатан под названием «Солдатское счастье». Сочинял пьесы для находившихся в Алма-Ате театра Юрия Завадского и театра Николая Акимова. Писал рассказы и фельетоны для журналов «Крокодил», «Огонек», «Костер», «Молодой колхозник». И одновременно работал над книгой «Перед восходом солнца», материалы к которой только и взял из Ленинграда. В Алма-Ате были написаны первые четыре главы. Зощенко не только писал статьи на фронтовую тему, не только работал над книгой, он еще и изучал казахский народный юмор. Сегодня мало кто знает, что первый перевод казахских народных сказок о «безбородом обманщике» Алдаре-Косе сделал М. М. Зощенко.

Уехав из Алма-Аты, Зощенко не забыл о гостеприимном городе. В статье «О юморе в литературе» он писал: «Юмор свойственен казахскому народу в высшей степени, и поэтому он должен занять подобающее место и в письменной литерату-

ре». Зоценко огонь хотел, чтобы в Казахстане возник собственный театр сатиры. К сожалению, при жизни эту свою мечту он так и не смог увидеть.

<http://www.unikaz.asia/ru/content/blagoslovennyy-gorod-mihaila-zoshchenko> <http://alnaz.ru/almaty/zoshhenko-v-almaate.html>

1960–1970-е годы стали, собственно, акмеизмом русской казахстанской литературы. Так называемая «оттепель», то есть некоторое ослабление идеологических тисков после XX съезда КПСС, до Казахстана дошла запоздало и робко. Прежде всего возможностью кое-что свободно читать, но еще не свободно говорить и писать. Общепринятые мысли и оценки к середине 50-х годов снова подрываются попытками сохранения исторической памяти: в романах о далеком и близком прошлом («Ак-Мечеть» Н. Анова, «Человек находит счастье» П. Кузнецова, «В городе Верном» Дм. Снегина), в лирике фронтовиков Дм. Снегина, Л. Кривошекова, А. Елкова, П. Богданова, В. Гордиенко. Ведь только устами исторического романа автор мог высказать, например, такие мысли: «Я хочу иметь развязанные руки, чтобы действовать согласно своим убеждениям»; «Тюрьма и казарма не только закалили меня и утвердили в прежних убеждениях: писатель живет на земле, чтобы бороться пером за благо народа» («Ак-Мечеть»).

Партийные «идеологи», «руководители» литературы всегда были начеку и согласно установкам соцреализма ревниво следили за тем, чтобы не только советская история, но в первую очередь современность подавалась в ореоле героики, превосходящей правду жизни. Примеров такой прозы несть числа, собрала она свой урожай и в Казахстане — особенно на материале целинной и рабочей, производственной темы. Трудно что-либо припомнить как произведение незаурядное. Разве что очерки И. Шухова «Покорители целины» (1955) да роман И. Щеголихина «Снега метельные» (1960). Но и этот роман был характерной попыткой высветлить тяжелый труд и жизнь первоцелинников. Литература наша так и не подняла целину, потому что большую правду о ней говорить запрещалось. И, видимо, желая заполнить этот явный пробел и торжественно закрыть тему, «написал» свою «Целину» Л. Брежнев — «лучшее» по тем временам произведение, немедленно потянувшее на Ленинскую премию... Но были и другие факты литературной жизни.

Под редакторством Ивана Шухова на протяжении целого десятилетия (1963–1974) журнал «Простор» имел всесоюзного читателя. Здесь впервые были опубликованы повесть А. Платонова «Джан», пьеса Б. Пастернака «Слепая красавица», неизвестные стихи О. Мандельштама, цикл М. Цветаевой «Маяковскому», рассказы Ю. Казакова, воспоминания сестры Есенина о брате и Шухова о встречах с Горьким, роман Ю. Герта «Кто, если не ты?» и его же повесть «Лгунья», стихи Вал. Антонова, повесть Вл. Берденникова «Татарников»...

В это время выходит за пределы республики и Союза историческая проза М. Симашко (повесть «В черных песках», «Искушение Фраги», романы «Хроника царя Кавада», «Маздак»), с интересными историческими романами выступают Н. Анов («Интервенция в Омске»), Дм. Снегин («Утро и два шага в полдень»), И. Щеголихин («Слишком доброе сердце»). Пишут «в стол» Ю. Герт (роман «Лабиринт»), Ю. Рожицин (повести «Омут» и «Прощеный день»), А. Никольская (повесть «Передай дальше»), Вяч. Карпенко (повесть «Вечер встречи»). В лице Н. Равевского является в Казахстане профессиональная пушкинистика («Если заговорят портреты», «Портреты заговорили»). Выходят романизированные биографии и биографические хроники П. Косенко о русских и советских писателях, в судьбы которых по-разному вошел Казахстан (П. Васильев, Вс. Иванов, А. Сорокин, Ф. Достоевский).

Новые, по-своему неповторимые голоса зазвучали с приходом в литературу А. Скворцова, Р. Тамариной, В. Антонова, А. Арцишевского, В. Старкова, Г. Кругликова, О. Постникова, Т. Мадзигон, Л. Лезиной, И. Потахиной. К ним на рубеже 1970–1980-х годов присоединились Н. Чернова, В. Киктенко, Л. Степанова, А. Шмидт, А. Соловьев, Л. Шашкова, Т. Фроловская, Т. Азовская.

Появляется наконец малочисленная, но профессиональная критика: Н. Ровенский, П. Косенко, А. Устинов, В. Владимиров, В. Бадиков и литературоведение — А. Жовтис («Стихи нужны»).

Значит, было сопротивление застою. Значит, островок русской литературы приобретал вполне рельефные очертания, хотя по-прежнему числился на положении периферийного ведомства Союза писателей и «малой» братской литературой республики. Происходили здесь свои драмы, возникали свои «феномены», которые определялись не только остаточным давлением «системы», но и местными условиями.

На изломе времен. Предчувствие конца брежневского безвременья выразалось в ощущении сплошного воровства и дефицита — духовного и материального. С разной степенью мастерства и глубины писали об этом в начале 1980-х годов Ю. Герт («Ночь предопределения»), А. Арцишевский («Письма на бересте»), А. Загородний («Суд да дело»), И. Щеголихин («Дефицит» и «Должностные лица»), В. Мироглов («Сила Кориолиса»),

Когда началась эпоха публикаций, у русских писателей Казахстана нашлось что предъявить читателю как свидетельство своей гражданской честности и стойкости. Оказалось, что у Ю. Герта давно было написано продолжение романа «Кто, если не ты?» — «Лабиринт», и оно доводило до логического конца конфликт его героев с «системой». Пусть накал разоблачительного и негодующего пафоса здесь был не тот, что у В. Гроссмана или В. Дудинцева. Важно, что этот пафос владел писателем еще тогда. Ю. Рожицин, пожалуй, сильнее задел читателя своими повестями «Омут» и «Прощеный день». Противник коллективизации, эск Иннокентий Непомнящий не только героически воюет в штрафном батальоне, но еще и перевоспитывает на войне уголовную лагерную мразь. Не удалось «системе» подавить в нем ни личность, ни патриотизм, ни веру в человека.

К сожалению, не «Простор», а журнал «Дружба народов» напечатал повесть М. Симашко «Гу-га» — трагическую историю кадровых военных штрафников. Наконец появилась в печати и повесть А. Никольской «Передай дальше» — о лагерном самодеятельном театре, помогавшем превозмогать ужасы советского ГУЛАГа.

Тем сильна и значительна была казахстанская проза (и казахская, и русская), что всегда пристально вглядывалась в прошлые эпохи, в исторических личностей, что при помощи истории хотела понять дух и смысл нашей современности, сказать правду о сегодняшнем дне. Таков, например, роман М. Симашко «Семирамида», написанный подлинным художником, к сожалению, ныне уже покойным.

В этом направлении интересно и свежо работала новая смена прозаиков и поэтов 1980-х годов: О. Постников, В. Галактионова, Ю. Кунгурцев, В. Мосолов, Г. Доронин, О. Слободчиков, Е. Курдаков, Н. Чернова, Л. Шашкова, В. Шостко, О. Шилленко, критики и литературоведы Н. Скалой, В. Мерлин, Г. Токарев, Г. Тюрин. У них была самая разная прописка в пределах Казахстана: Алма-Ата, Уральск, Усть-Каменогорск, Актюбинск, Чимкент. Но дело было не в прописке, а в имени автора, обозначавшем новый светский взгляд на меняющуюся нашу жизнь.

С распадом СССР, с падением советского партийного тоталитаризма многое переменялось в казахстанском доме. Это были трудные времена для всего народа, государства и культуры. В 90-е годы, в последнее десятилетие XX века — «века-

волкодава», трясло государство, потому что распались прежние экономические связи, стремительно нищал народ, распался единый Союз писателей с центром в Москве, литературный рынок заполонила псевдолитература, писатели снова разбрелись по своим кухням; как в застойные времена, остро ощущая свое социальное изгойство, конец литературы. Но таких «домоседов» оказалось не так уж и много. Большинство, сначала в одиночку, потом едва ли не группами, двинулось за пределы Казахстана и СНГ, вплоть до Америки и Австралии. В 90-х годах эмигрировала в основном творческая интеллигенция – писатели, критики, филологи, музыканты, артисты, ученые – более 30 человек. Среди писателей, например, художники, уже снискавшие в республике известность: Ю. Герт, Р. Тамарина, А. Елков, Г. Черноголовина, Н. Поведенок, Е. Курдаков, М. Пак, В. Киктенко, А. Загородний и другие.

На рубеже веков ушли из жизни Л. Лезина, О. Постников, Н. Ровенский, М. Симашко, Дм. Снегин, И. Потахина, Е. Курдаков... Частенько вспоминалась тогда грустная пушкинская сентенция: «Иных уж нет, а те далече». Вот когда казахстанская русская литература едва ли не сократилась до литературной диаспоры.

Эмиграция захватила не только русскую, но и казахскую интеллигенцию, хотя, конечно, дело не в масштабе. Причины? Их было немало. Бытовые, семейные, но в первую очередь творческие: опасение и, может быть, даже страх оказаться в замкнутом территориальном и инонациональном пространстве, страх утратить творческую свободу художника-маргинала, все-таки имевшего реальную возможность миграции хотя бы в пределах СССР, в крайнем случае в более обширных пределах западного мира, как, например, **А. Солженицын**, В. Некрасов, В. Войнович, С. Довлатов, а из казахстанцев – Ю. Герт, В. Филатов...

1950–1953 годы А. И. Солженицын провел в лагере в Казахстане на общих работах. После окончания срока заключения (февраль 1953) был отправлен в бессрочную ссылку. Работал учителем в районном центре Кок-Терек Джамбульской области. 3 февраля 1956 года Верховный суд освободил Солженицына от ссылки, а через год объявил полностью невиновным. Еще в лагере у Солженицына обнаружили рак, и 12 февраля 1952 года ему была сделана операция. Он дважды легился в Ташкентском онкологическом диспансере. Вопреки ожиданиям медиков, злокачественная опухоль исчезла. В своем исцелении недавний узник усмотрел проявление Божественной воли – повеление рассказать миру о советских тюрьмах и лагерях, открыть истину тем, кто ничего не знает об этом или не хочет знать.

Первые сохранившиеся произведения Солженицын написал в лагере. Это стихотворения и сатирическая пьеса «Пир победителей». Зимой 1950–1951 гг. задумал рассказ об одном дне заключенного. В 1959 г. была написана повесть «Щ-854» («Один день одного зэка»). Под измененным названием («Один день Ивана Денисовича») напечатана в «Новом мире» (1962, №11). В 1955 г. задумывает, а в 1963–1966 гг. пишет повесть «Раковый корпус». В ней отразились впечатления автора от пребывания в Ташкентском онкологическом диспансере и история его исцеления.

http://adilgereev.ucoz.ru/index/aleksandr_isevich_solzhenicyn/0-25

Но жизнь не терпит, как известно, пустоты, а с нею вместе и литература. С обретением независимости, относительной экономической стабилизации на основе внутреннего межнационального доверия в Казахстане снова оживилась культурная жизнь в самом широком смысле. Этому, безусловно, способствовала концепция нового евразийства, выдвинутая Президентом РК Н. А. Назарбаевым в марте 1994 года, когда он выступил в МГУ им. М. В. Ломоносова с предложением создать

Евразийский союз государств, основой которого может быть извечно традиционное, по словам проф. Ш. Р. Елеукунова, «взаимное притяжение душ славянских и тюркских (центральноазиатских), ориентация на глубокое познание достояния народов Евразии, чтобы продолжить в новых условиях процесс культурного общения, освященного именами Пушкина, Лермонтова и Абая, Достоевского и Чокана Валиханова, Бунина, Блока и Магжана Жумабаева, Потанина и Ахмета Байтурсынова».

Все это вкупе с экономическими реформами 90-х годов благотворно сказалось на активизации казахстанской литературной жизни. Появляются новые газеты и журналы («Новое поколение», «XXI век», «Панорама», «Нива», «Зеркало», «Тан-Шолпан» и др.), новые писательские объединения (Казахский ПЕН-клуб). Начали готовить новую литературную смену журнал «Простор», мастер-класс фонда «Музагет», литературные курсы открыла русская секция Союза писателей РК. Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ (президент Сергей Филатов) несколько раз приглашал авторов из Казахстана на форумы молодых писателей. Издательства снова повернулись лицом к настоящей, а не рыночной литературе. Назовем хотя бы некоторые имена нового поколения русских литераторов: Н. Веревочкин, И. Олегов, Е. Барабанщиков, С. Лукьяненко...

Союз писателей Казахстана. *Общественная творческая организация, созданная в 1934 году и объединяющая сейгас около 750 казахстанских профессиональных литераторов. Среди изданий СП Казахстана – русскоязычный журнал «Простор». Председатель – Нурлан Оразалин.*

Среднеазиатский литературный фронт. *Объединение молодых писателей. Создано в 2006 году в Алматы по инициативе Михаила Земскова. Цель – активизация литературных процессов в регионе, создание литературного театра, сотрудничество с журналами Центральной Азии и России. В объединение входят 16 писателей, в том числе Илья Одегов, Елена Тикуннова, Ксения Рогожникова.*

Аполлинарий. *Литературно-художественное издание. Издаётся по инициативе и под руководством Ольги Марковой с 1993 года в Алматы. В русскоязычном Казахстане это «единственное издание, ориентированное только на художественную литературу».*

Берега. *Литературный журнал. Выходит с 1997 года. Печатаются как местные литераторы, так и авторы из-за рубежа. В сотрудничестве с областным литобъединением «Ковзег» и молодежной студией «Крылья» журнал проводит конкурс «Парад дебютантов» и открытый региональный конкурс им. Анатолия Коштенко. Главный редактор – Владимир Растегин.*

Нива. *Литературно-художественный и общественно-политический журнал. Печатаются преимущественно произведения казахстанских авторов, но гостями журнала были и российские издания «Дружба народов», «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни», «Всерусский собор», «Иртыш». «Мы стараемся выдерживать традиции русской классической литературы. Современные изыски нас, гестно говоря, не прельщают» – подчеркивает главный редактор Владимир Гундарев. Международная Организация деловых инициатив (VID; Мадрид) наградила журнал золотым (2003) и платиновым (2004) призами за качество. «Нива» отмечена национальной премией «Алтын Жұлдыз» в номинации «Лузгий журнал Казахстана» (2007).*

Простор. *Старейший в Казахстане русскоязычный литературный журнал. Выходит в Алматы с 1933 года; нынешнее название получил в 1960 году. Награжден орденом Дружбы народов (1983). Рубрики: Евразия; ЛИК (Литературоведение-Искусст-*

во-Краеведение); *Мирообраз; Обрусевшие русские*. Среди авторов – М. Тыцких, Г. Толмачев, Н. Веревошкин, А. Кортевский. Главный редактор – Валерий Михайлов.

Алаш. Международная литературная премия, учреждена СП Казахстана. Вручается один раз в два года. Присуждается в основном казахоязычным писателям. Исключения: 85-летний Александр Сергеев (1999), Орынбай Жанайдаров и Валерий Михайлов.

Премия имени Юрия Казакова. Учреждена в 1996 году ПЕН-клубом Казахстана как награда за лучшие переводы казахской литературы на русский язык.

Шабыт. Международный фестиваль творческой молодежи «Шабыт» («Вдохновение») проходит с 1997 года в Астане под патронатом Н. Назарбаева. Присуждаются премии по разным номинациям, в том числе по поэзии и прозе. Среди лауреатов: в 2000 – Надежда Рунде, Канат Омар; в 2001 – Екатерина Медведева; в 2002 – Екатерина Медведева, Евгений Демидович; в 2003 – Елена Преображенская, Евгения Чумагено (Гран-при).

Арба.ру. Всемирный независимый казах/стан/ский сетевой журнал – авторский проект Аэлиты Жумаевой. Среди тем – проза, поэзия, художественные акции, культурные события, мониторинг российской прессы.

Литературный Казахстан. Сайт, представленный как «народное приложение к журналу „Простор“», – авторский проект Людмилы Мананниковой, поставившей перед собой задачу «рассказать о ныне действующих поэтах и писателях, о тех, кого уже нет с нами, но чьи имена необходимо помнить».

Русскоязычная Азия. Сетевой альманах современной литературы Казахстана. Множество поэтов и писателей самых разных национальностей пишут здесь на русском языке. На сайте размещены биографические анкеты авторов – материалы к будущему словарю-справочнику «Литераторы Казахстана» (словник включает 828 имен и постоянно обновляется).

<http://sci-book.com/russkaya-literatura/kazakhstan-49909.html>

Несомненно, значительную роль в возрождении авторитета русской литературы сыграли и русскоязычные казахстанские писатели О. Сулейменов, С. Санбаев, Б. Каирбеков, О. Жанайдаров, Б. Канапьянов, Д. Накипов, М. Исенов и многие другие. Сам факт расширения этого течения и вообще творческого билингвизма в казахской литературе XXI века свидетельствует о том, что евразийская ментальность обрела уже конкретные формы своего бытия, объединяя не только казахских и русских, но и уйгурских, немецких, корейских и других национальных писателей.

<http://tak-to-ent.net/publ/17-1-0-469>

(По материалам Интернета)

Публикация подготовлена

Ольгой Малышкиной